

Л.Г. ТИТАРЕНКО,
ДОКТОР СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

НОВЫЕ КОНЦЕПЦИИ И ПОДХОДЫ В НЕМЕЦКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Рассматриваются подходы и концепции немецкой социологии, разработанные в последние три десятилетия. Раскрыты особенности современного этапа немецкой социологии.

The approaches and conceptions of German sociology developed over the past three decades are considered. The peculiarities of a modern period in German sociology are revealed.

В рамках новых концепций и подходов, получивших развитие в немецкой социологии главным образом с начала 1980-х гг., можно назвать несколько, которые играли и до настоящего времени играют значительную роль в формировании содержания национальной социологии. Это концепция «общества риска», многочисленные феминистские теории (объединенные тематикой, а не методологическим единством), неопрагматизм, а также подходы, связанные с различной интерпретацией развития общества модерни. В многообразии этих новых подходов и концепций в эти годы несколько «затерялись» сторонники уже упоминавшихся неопарсонских и неовебериа-

ских теорий. В целом немецкая социология стала настолько разнообразной, что в ней нельзя было выделить доминирующую парадигму или теорию.

Теории риска

Сегодня имя мюнхенского социолога Ульриха Бека известно не только социологам. Эту известность принесла ему изданная в 1986 г. книга «Общество риска. На пути к другому модерну»¹. Работа привлекла огромное внимание еще и потому, что вышла в тот год, когда произошла авария на ЧАЭС, и тем самым подтвердила практически тенденции развития общества риска. Бек утверждал, что основное противоречие эпохи – уже не классовое противостояние, а угроза природе от неконтролируемого индустриального развития. Новая динамика развития связана с исчезновением прежних структур в культуре и структуре общества. Индивидуальная защита от рисков стала невозможна: нужны общие усилия, наднациональные действия общества по предотвращению и противостоянию рискам модернизации. Перед их лицом все люди равны, так как риски касаются богатых и бедных, женщин и мужчин, молодых и старых. Только наука помогает ощутить эти новые риски, получить о них объективную информацию. Однако и ученые могут ошибаться либо принимать политизированные решения в интересах тех или иных групп, поэтому в новых условиях наука может служить «легитимным прикрытием глобального индустриального загрязнения»². Поэтому политические последствия рисков трудно предсказуемы. Нужна новая экологическая мораль, чтобы человечество могло на практике противостоять рискам.

Составной частью концепции Бека является также популярный сегодня на Западе тезис о растущей индивидуализации, которая позволяет каждому следовать любому стилю жизни, любой моде, выбирать религию и т. п. Увеличилась ответственность каждого, связанная с ростом свободы индивидуального выбора по сравнению с прошлым. В этой свободе заложена и угроза многим старым структурам, вынужденным приспосабливаться к условиям неопределенности. Вместе связанные, эти аргументы позволили Беку сделать вывод о переходе общества в середине 1980-х гг. на этап «рефлексивного модерна», т. е. к состоянию критического сомнения в собственных основах.

Практически такие же идеи о современном обществе в начале 1990-х гг. высказывал и Энтони Гидденс, творческое сотрудничество Бека с которым воплотилось в разработку обоими учеными в 1990-х гг. проблем глобализации³. Как и в вопросах риска, Бек проявляет в оценках глобализации умеренный оптимизм, который оказал влияние на общий тон дебатов о рисках в обществе модерна в 1990-е гг., а его книги сыграли большую роль в просвещении широкой аудитории читателей по проблемам рисков. Бесспорно, теория риска Бека в значительной степени повлияла и на российскую социологию⁴. Однако, как показали в дальнейшем исследования последствий рисков, они не оказывают такого «демократического» эффекта, как полагал Бек: у облеченных властью и ресурсами групп всегда больше возможностей противостоять рискам, чем у депривированных групп. Подвергся критике и тезис Бека об индивидуализации за его методологическую непрозрачность и эмпирическую двойственность, проявляющуюся в разных формах индивидуализации. Тем не менее теории Бека не потеряли популярности и сегодня.

Феминистские теории

Развитие этих теорий в Германии связано с периодом студенческих выступлений в конце 1960-х гг., когда активистки женского движения во всех странах на практике убедились в том, что и в студенческом движении доминируют мужчины, игнорирующие вопросы гендерного равноправия как «второстепенные» по отношению к проблемам классовой борьбы против капитала. Это осознание дало толчок в 1970-е гг. организации эмпирических исследований гендерного неравноправия в разных сферах общественной жизни. Их развитие активно шло в США, Франции; там же формировались и

феминистские теории этого периода (С. Файерстоун, Б. Фридан, С. Бовуар), причем изначально использовался самый разный теоретический инструментарий и понятийный аппарат. Диапазон феминистских теорий варьировался от самых левых, настаивавших на противостоянии полов, до либеральных, от биологической детерминации сексизма – до утверждений о его социальном конструировании. По сути, эти поиски можно охарактеризовать как дебаты о том, что есть фемининность и маскулинность, какова основа гендерного угнетения и как оно связано с социальным порядком. Значительное место занимали обсуждения моральных аспектов гендерного неравенства, в ходе которых, в частности, звучала фундированная феминистская критика дискурсивной этики Хабермаса. Наиболее значимые феминистские теории возникли позднее, в конце 1980-х гг., когда на первый план вышли не различия, а определенное сходство между полами как категориями, конструируемыми социально-исторически. В любом случае сегодня феминистские социальные теории – неотъемлемая часть современной социологии, которая отличается своей тематикой и инструментарием.

В Германии феминистские теории активно развиваются с начала 1990-х гг. Важной работой, стимулировавшей их распространение, стала статья Регины Гильдемайстер и Ангелики Веттерер «Как делается половая принадлежность» (1992). Придерживаясь этнометодологической теоретической ориентации, авторы вслед за англоязычными феминистками считают, что указание на различие между полом и гендером не решает проблему этих различий, а лишь переводит ее в другую плоскость. Четких критериев для однозначного определения пола нет, поэтому разговоры о биологической сущности женщины проблематичны, так как биология не может быть взята за основу в конструировании противоположных полов⁵. Авторы подчеркивают, что природная слабость женщины и способность к деторождению не были основной причиной разделения труда между полами. Они делают вывод, что следование теории разделения гендера и пола не ведет к какой-либо политической программе целенаправленной поддержки женщин, ибо теоретически даже нельзя точно определить, кто является женщиной.

Такие политические противоречия, выявленные в этнометодологическом дихотомическом подходе внутри феминизма, послужили поводом к его серьезной критике. В целом эта критика была традиционной для критики этнометодологии⁶. Выход из этой ситуации мог быть найден не в новых микросоциологических, а в макросоциологических подходах. За пределами Германии предпринимались попытки соединить феминизм с постмодерном, психоанализом, однако в Германии они не прижились. Так, немецкие феминистки Г. Беккер-Шмидт и Г.-А. Кнапп, делая обзор теоретических дебатов в рамках феминизма, утверждают, что вместо бесконечных споров о соотношении пола и гендера феминизму необходимо соединить анализ микросоциальных проблем с теориями на мезо- и макроуровне, без которых нельзя использовать объяснительный потенциал феминизма. Критикуя Батлер и этнометодологический феминизм, они оправдывают стремление многих современных феминисток отмежеваться от них и даже вернуться к традиционным социологическим теориям при анализе социальных проблем. По их мнению, значительным потенциалом для политического развития феминизма обладает концепция общественности Хабермаса, которая позволяет адекватно изучать гендерные проблемы в контексте всего общества⁷. Таким образом, в умеренных теориях феминизма имеет место попытка не открепиваться от «обычных» социологических теорий, а использовать их возможности для целей феминистского анализа.

Неопрагматизм

В течение длительного времени прагматизм был чисто американским феноменом и в Европе не вызывал большого интереса. Иногда к нему обращались и немецкие авторы (например, Хабермас при разработке концеп-

ции интерсубъективности и обосновании дискурсивной этики), но целостных концепций прагматистского толка до теории, созданной Хансом Йоасом, не было. Именно этот социолог в конце 1970-х гг. «вновь открыл» для европейского читателя наследие прагматистов Джорджа Герберта Мида, Джона Дьюи, Уильяма Джеймса, Чарльза Пирса. Сегодня он является не только лидером этого направления; вокруг него сложилась немецкая школа неопрагматизма, состоящая из учеников и последователей.

Йоас использовал прагматизм для создания новой теории действия. Изучая теории американских прагматистов, выявил их эвристический потенциал для современной социальной теории. Он показал, что ни символический интеракционизм, ни марксизм или критическая теория не могут адекватно ответить на потребности современной эпохи: нужна новая теория. Эта теория изложена Йоасом в работе «Креативность действия», опубликованной в Германии в 1992 г.⁸ Как полагает автор, ему удалось преодолеть слабости прежних теорий действия, создать логически непротиворечивую типологию социальных действий и выявить присущую им креативность.

Креативность здесь понимается как характеристика, или измерение любого социального действия. Если теории, исходящие из типа рационального действия, приписывали действующему субъекту способность к целенаправленному действию, к мышлению в категориях «цель – средство», то Йоас утверждает, что во многих случаях цели рождаются лишь в процессе самого действия и поэтому цель не всегда определяет средства, они взаимно влияют друг на друга. Иначе говоря, цели не всегда заданы изначально: они могут выбираться в ходе анализа субъектом ситуации и своих возможностей действия. Процесс размышления над целями действия и само действие могут протекать одновременно. Следуя прагматизму, Йоас предлагает заменить схему анализа «цель – средство» на анализ ситуации, так как именно в конкретной ситуации действия происходят процессы восприятия и познания, ставятся или изменяются цели и средства⁹. Таким образом, «ситуативные вызовы» требуют от субъекта постоянной креативности решений, а не бездумного следования заранее принятой цели. Мотивы, планы действия субъекта есть продукт его рефлексии в ситуации действия, но не причина этого действия.

Анализируя социальное действие, Йоас доказывает, что не только мышление субъекта, но и его тело участвует в действии; человек зачастую даже не может полностью контролировать свое тело в ситуации действия (например, когда он смеется или плачет). В действиях он всегда проявляет свою социальность, учитывает окружающие предметы и людей вокруг себя, причем не автоматическим и механическим образом, а ситуативно.

Предпринятая Йоасом реконструкция предпосылок рациональной модели действия дала возможность понять необходимость учета телесности субъекта действия, его изначальной социальности, а также креативности процесса действия как единства мышления, «репетиций в воображении» и самого действия. В ходе взаимодействия субъекта действия с другими людьми постоянно происходит переосмысление ситуации действия, что требует креативного согласования средств и целей и поэтому создает возможность возникновения новых ценностей.

Аналогичный пересмотр на основе неопрагматистского подхода был проведен Йоасом по отношению к макросоциологическим теориям социального развития. Если принять за основу теорию креативности действия, то историю уже нельзя рассматривать как автоматическое разворачивание процессов рационализации и дифференциации, как это делали веберовцы и сторонники Парсонса. Ведь в истории действуют отдельные субъекты, которые, сталкиваясь с новыми ситуациями, вынуждены постоянно принимать креативные решения, а не просто руководствоваться заранее выработанной функциональной логикой. Люди сами решают, следовать ли им какой-

либо чужой логике, тем более абстрактной «логике системы», или принимать решения, следуя ситуации, которая бывает непредсказуема заранее.

Йоас критикует теории модернизации и дифференциации и считает, что в социологии XX в. уже нет места для эволюционизма и прогрессизма, популярных в XIX в. На примере анализа феномена войны Йоас показывает иррациональность многих ситуаций, связанных с войной, отсутствие «объективной необходимости» в войнах, в конечном счете их контингентность, т. е. недетерминированность. Только у историков, пишущих о прошлых войнах, всегда имеются четкие представления о причинах каждой войны и системное объяснение ее последствий. В реальных ситуациях такого не бывает. Войны могут быть непредвиденными, и такими же непредвиденными – возможности, требующие от их участников проявления креативности, они сами открывают – дают начало новым макросоциологическим процессам, стимулируют революции¹⁰. История войн опровергает идею линейного хода общественного развития. Теория социальных изменений должна учитывать креативность, проявляющуюся в ходе войн – будь она негативная или позитивная. В сфере социологии религии подход Йоаса позволил ему доказать неубедительность теории секуляризации, ее несвязанности с процессом модернизации общества.

Продолжая работу в русле макросоциологии, Йоас исследует проблему происхождения ценностей и приходит к выводу, что «возникновение ценностей связано с опытом формирования и трансцендентности человеческой самости»¹¹. Как правило, ценности и преданность им формируются в процессе социализации. Вокруг этих ценностей складываются индивидуальная и коллективная идентичности. Но это не единственный путь их возникновения: ценности могут формироваться как *протест* (например, в условиях оккупации), а также в повседневных ситуациях трансцендентного опыта (религиозные ритуалы, коллективный экстаз, столкновение со смертью и т. п.). В любом случае, как считает Йоас, в возникновении ценностей (как и войн) решающую роль играют случайные, непредвиденные обстоятельства: они рождаются в конкретных ситуациях действия.

Эмпирические исследования истории XX в. во многом подтверждают контингентность формирования приверженности тем или иным ценностям. И в этом вопросе Йоас следует идеям прагматизма: значение имеют не абстрактные нормы и ценности, а решение с их помощью конкретных проблем действия. Такой подход, с одной стороны, дал возможность разработать новую теорию действия, с другой – наложил определенные рамки на неопрагматистское исследование проблем современного общества. Он подвергался критике со стороны неомарксистов, представителей мир-системного анализа общества.

Теория креативного действия Йоаса получила развитие в трудах его последователя Й. Беккерта, применившего ее к области экономической социологии. Рыночные процессы требуют постоянной креативности, инновационности принятия решений. Таким образом, экономические действия – типичный пример креативности действия.

Интерпретации «общества модернити»

В последние десятилетия в современной социологии, включая немецкую, не прекращаются широкие теоретические дискуссии вокруг ряда проблем, вызывающих разные интерпретации с далеко идущими политическими последствиями. Это проблемы, касающиеся понятий «модернити», или «современное общество», «множественность модернити» и «цивилизационный подход».

Первое понятие (модернити) связано со спорами, насколько целостным был и остается этот тип общества, имеются ли внутри его противоречия и какие и насколько уникален (единичен) этот тип в истории. Эти споры были связаны с теорией модернизации, признававшей единую модель современного общества (модель западного типа), которую якобы должны перенимать все развивающиеся страны.

Немецкий социолог Питер Вагнер в своей диссертации по проблеме модернити дал развернутый анализ институтов общества модернити. В развитии этого общества Вагнер выделил несколько эпох: либеральный тип модернити (XIX в.), организованный тип (начало XX в. – 1960-е гг.) и современный (кризисный) тип. Как показал Вагнер, идея свободы, характерная для модернити, в реальности всегда уравнивалась опять-таки типичными для каждой эпохи ограничительными дисциплинарными практиками. Данное противоречие выявляет конфликтный характер общества модернити с точки зрения и истории культуры, и институтов. Вагнер подробно проанализировал институты в политической, рыночной и научной сферах, т. е. наполнил теоретическую концепцию модернити реальным содержанием. Вывод Вагнера о неразрешимых противоречиях общества модернити, существующих при любом его типе, принципиально важен: не имеет исторического смысла навязывать любое конкретное современное общество в качестве образца другим, так как в нем все равно проявятся типичные противоречия данного типа общества¹².

Второе понятие (множественности модернити) было разработано израильским социологом Ш. Айзенштадтом, который, следуя программе сравнительных исследований мировых религий М. Вебера, доказал, что общество модернити существовало во множестве разных типов, формирующихся по-разному в зависимости от доминирующей в нем религии и исторических условий его развития. Отталкиваясь от этой концепции, немецкий социолог В. Кнебл утверждает плюрализм данного типа общества. Среди прочих типов он анализирует африканский тип модернити, показывая и противоречия этого типа, и его полную несводимость к западному¹³. Исследователь М. Боатцэ на примере Румынии раскрывает низкую возможность применения западной модели модернити как критерия анализа типов современного общества, развивающихся в странах европейской периферии. По ее мнению, насаждаемая концепция связана с колониальным дискурсом, тогда как сами понятия центра и периферии давно нуждаются в теоретическом уточнении¹⁴. Социолог В. Шпон в анализе религиозного ландшафта Европейского Союза после его расширения в начале века использует идею множественности модернити, чтобы подвести теоретическую базу под религиозно-культурное многообразие и разработать политику интеграции ЕС, которая исходила бы из этого факта как данности¹⁵.

Цивилизационный подход к исследованию современных обществ тесно связан с упомянутым понятием множественности модернити. Разработка данного подхода как аналитического инструмента объяснения возникновения и развития общества в конкретно-исторических условиях имела место в работах разных, в том числе уже названных, авторов – поклонника Вебера Ш. Айзенштадта, сторонника «критической теории» Й. Арнасона, его немецких последователей В. Шпона и В. Кнебла, которые, в свою очередь, также ссылались на «корни» этого подхода у М. Мосса и Э. Дюркгейма. Поэтому существует много вариантов самого обсуждаемого подхода. Если Айзенштадт развивал прежде всего культурологические предпосылки цивилизационного подхода с акцентом на религиозные программы (выявил «культурную программу» логики развития общества), то немецкие социологи (вслед за Арнасоном) сделали акцент на необходимость включения в цивилизационный анализ аргументов из политической социологии (анализ институтов и особенно института власти). Комплексный цивилизационный анализ предполагает рассмотрение в единстве не только «культурного кода» и институциональной рамки, но и взаимосвязей между экономикой, политикой и культурой¹⁶. В целом комбинация этих идей и подходов широко распространена в современной немецкой сравнительно-исторической социологии.

Немецкая социология в начале нового века

В немецкой социологии начала XXI в. не спадает интерес к Веберу (В. Штрик, Т. Швинн, Т. Шмидт). Его творчество постоянно обсуждается, его

личность изучается. Так, историк Йоахим Радкау выпустил в свет очень объемную (более 1000 страниц) биографию М. Вебера¹⁷, которая не только раскрывает индивидуальность ученого, но и тесно связывает творчество Вебера с его личностью. Книга была переведена на английский язык в 2009 г. и вызвала много споров, так как никогда прежде (в биографиях, написанных Марианной Вебер, В. Моммзенем и др.) личность Вебера так подробно не анализировалась.

Остановимся на вопросе о том, как сегодня обстоят дела со сторонниками синтезирующих проектов Хабермаса и Лумана.

Школа Лумана по-прежнему очень популярна, особенно в Билефельдском университете, где он работал. Сменивший его в должности заведующего кафедрой социологии в этом университете Рудольф Штихве продолжил развивать идеи Лумана. В ходе дебатов вокруг теории Лумана Штихве отличался явно выраженной исторической ориентацией и последовательной концентрацией на темах социологии науки и профессий, с одной стороны, и глобальной социологии – с другой. Он исследовал ранний этап развития науки, проследил ее дисциплинарную дифференциацию внутри университетов и раскрыл ее сложный характер, не сводимый к функциональной дифференциации. Иначе говоря, Штихве ввел в системную теорию Лумана более адекватное описание модернити, чем это позволял сделать изначальный лумановский подход, исходивший из приоритета функциональной дифференциации в современную эпоху. В исследовании «глобального общества» он аргументировал исключительное право системной теории Лумана на интерпретацию глобализации. С этой целью он критикует теорию миросистемы Валлерстайна и другие теории, исходящие из экономической модели «центр – периферия». По Штихве, эти теории не учли функциональную дифференциацию внутри самого общества модернити, развитие которой в современную эпоху снижает практическую значимость прежних глобальных различий; возникающая глобальная система имеет более высокий уровень системности и использует механизмы глобализации для собственных нужд¹⁸. Штихве учитывает также нормативные структуры глобального общества, которые требуют от каждого современного государства подчиняться неким общим нормативным обязательствам.

Другой ведущий представитель системной теории, который подверг лумановскую теорию ревизии, – Хельмут Вильке. В отличие от Штихве он не разделяет лумановскую концепцию глобального общества, а также отказывается от радикального скептицизма Лумана в отношении политического управления, который логически подводил к оправданию политической пассивности. Вильке более оптимистичен в отношении демократической политики управления, хотя постоянно подчеркивал, что даже такая политика не может отдавать приказы другим подсистемам общества и нуждается в посредниках (например, рыночные механизмы). Еще дальше в ревизии теории Лумана пошли его прежние последователи Ф. Шарпф и Р. Майнц, которые попытались учесть взаимодействие коллективных акторов политических процессов и объяснить, почему в одних обществах проводимые «сверху» реформы были успешны, а в других провалились. Такое расширение лумановской системной теории и внедрение в нее перспективы теории действия не разрушило изначальной концепции аутопойетических подсистем; напротив, оно сделало ее адекватной для исследования эмпирических процессов развития общества.

Более существенные изменения произошли среди сторонников и последователей Хабермаса. Преемник Хабермаса в должности заведующего кафедрой философии Франкфуртского университета Аксель Хоннет – ведущий современный представитель данной ориентации в Германии – последовательно усилил конфликтные аспекты теории своего учителя. Уже в своей диссертации¹⁹ он критикует хабермасовское различие жизненного

мира и системы, поскольку институциональная структура общества всегда есть результат борьбы и договоренностей между группами. Хабермас не учел этой постоянной борьбы и потому не смог представить социальный порядок как институционально опосредованные коммуникативные отношения между группами, интегрированными на основе общей культуры, которые борются между собой до тех пор, пока существует асимметрия в распределении власти. Развивая эти идеи в последующих работах, Хоннет хочет понять и интерпретировать коммуникативную теорию Хабермаса в терминах не теории языка, а теории признания (термин раннего Гегеля). Он описывает моральное развитие человечества как следствие социальной борьбы групп и классов за определенную институциональную структуру, в ходе которой (борьбы) группы получают заслуженное признание.

Введение в социальную теорию понятия признания позволяет Хоннету сохранить теоретический аспект марксизма, отброшенный Хабермасом, и при этом избежать характерного для Маркса экономизма: понятие признания позволяет объяснить конфликты не только экономическим неравенством групп, но и неуважением к культуре и языку одних групп со стороны других, гендерным и этническим неравенством в обществе и т. п. В своих исторических исследованиях по социализации, социальным конфликтам Хоннет доказывает, что в любом обществе важны представления о справедливости и уважении, связанные с признанием. Отсюда следует его вывод о необходимости изменения теории коммуникации Хабермаса: сделать завоевание социального признания главной нормативной предпосылкой любого коммуникативного действия. Хоннет критикует Хабермаса за недостаточное внимание к моральному фундаменту коммуникации, которая привела к одностороннему диагнозу современности.

Развивая теорию признания в работе «Борьба за признание» (1992), Хоннет разработал различные формы и типы признания и непризнания (неуважения). Он последовательно решает важную задачу – разработать антропологически обоснованную феноменологию признания, чтобы с ее помощью дать обширную программу исследований «патологий», или «парадоксов капиталистической модернизации», которая составила бы конкуренцию другим диагнозам времени, включая Хабермаса²⁰. Постановка «диагноза эпохи» остается одной из важных тем в повестке дня немецкой социологии нескольких последних десятилетий, так как позволяет выйти на теоретическое осмысление состояния общества, его основные проблемы и предложить пути их решения. Хоннет тоже хочет исследовать, где и когда в современном обществе имеет место ситуация неуважения, нарушения прав и попрание достоинств индивидов и групп. Этим занимается сегодня Франкфуртский институт социальных исследований, в работе которого Хоннет по-прежнему активно участвует. Развитие Хоннетом коммуникативной теории Хабермаса свидетельствует об открытом характере этой теории, допускающей разные варианты дальнейшей разработки. В последние годы внимание Хоннета занимает также развитие теории справедливости и методов ее использования в социальных исследованиях.

В XXI в. получили развитие идеи других известных немецких социологов. Так, У. Бек выступает с концепцией космополитизации общества²¹, согласно которой национальные государства отжили свое время и играют все меньшую роль в условиях глобализации. Бек утверждает, что человечество не может свернуть с этого пути, плох он или хорош; поэтому внутри социологии необходимо отбросить разделения на теории Юга и Севера, прекратить споры и «найти практические ответы на социологические проблемы повседневности»²². Сам термин «космополитизм» был предложен в науке ранее, дискуссии по этой теме были активными во всех ведущих западных странах и международных социологических журналах. Истоки данной концепции были найдены в классической немецкой социологии²³.

Эта теория имеет своих сторонников и противников в разных странах, поскольку односторонне фокусирует внимание на тенденции глобализации и абсолютизирует некие универсальные тренды в развитии общества.

Как утверждают оппоненты Бека, сторонники современной «публичной социологии» (термин М. Буравого), на практике космополитизм означает «последовательное отрицание компромисса между равенством и различием раз и навсегда», так как социологи не должны идти на поводу у событий, только анализируя их, они сами должны активно участвовать в социально-политической жизни и стараться изменять ее к лучшему²⁴. В теоретическом отношении сторонники других парадигм справедливо отмечают связь теории космополитизма с прежними теориями модернизации, представлявшими мировое развитие как «глобальную экспансию западного секулярного общества модернити, представленного как универсальный процесс человеческого развития»²⁵.

Более широкую популярность и эмпирическую направленность в условиях развернувшегося в 2008 г. финансового кризиса и последовавших за ним других кризисных явлений получила бековская теория общества риска, на основе которой разрабатываются многочисленные модели и подходы к исследованию рисков и неопределенностей в разных сферах общества. Например, Й. Беккерт анализирует экономические неопределенности финансовых рынков, В. Штик и К. Дойчман – изменения институциональной структуры в условиях экономического кризиса, поведение экономических акторов в условиях неопределенности.

В качестве других «зон риска» анализу подвергается современная модель германского государства, сфера религии (в частности, ислам рассматривается некоторыми социологами как потенциальная угроза интеграции германского общества), экология и изменение климата (широко обсуждается концепция «углеродного общества»). Механизмами сдерживания ненадежности считаются образование, общественность, негосударственные общественные организации, христианская религия (при условии ее внутренней толерантности к другим конфессиям), различные культурные объединения – все эти институты активно исследуются в германской социологии.

Одним из ключевых терминов двух последних десятилетий стала в Германии и «трансформация», что связано прежде всего с объединением страны в 1989 г. Термин трактуется довольно пространно. Под трансформацией понимают не только радикальные изменения в связи с расходом коммунистической системы и Советского Союза, хотя, конечно, трансформация бывшей ГДР все эти годы остается важнейшей темой для национальных социологов, исследующейся в самых разных аспектах с позиций западной методологии и западных теорий. Как считает У. Герхардт, унификация Германии радикально изменила всю социальную структуру общества, его интеллектуальную констелляцию, а также поставила социологию в новые условия очередного переосмысления условий своего существования и проблематики развития²⁶. Падение Берлинской стены – целая веха в развитии современной немецкой социологии, ее обогащение новыми проблемами и стимул сравнительных исследований.

Радикальные перемены внутри Европейского Союза и их непредвиденные последствия после его расширения – неконтролируемая миграция, обострение межстрановых противоречий между «старыми» и «новыми» членами Евросоюза, поиски новой наднациональной и сохранение прежней национальной идентичности, существенное изменение религиозной структуры в странах Евросоюза за счет новых членов и т. д. – тоже подпадают под категорию трансформации. Так, в самые последние годы обсуждается релевантность концепции мультикультурализма, поскольку на практике она не оправдала себя (по крайней мере в той версии, которая реализовалась в Германии). Как будут решаться эти и многие другие проблемы в Германии,

Европе и мире в целом, конечно, мало зависит от социологов: они могут лишь внести вклад в изучение этих проблем и обосновать те или иные практические пути их решения, тогда как сами проблемы современного общества – «общества модернити» – никогда не могут быть «сняты» раз и навсегда.

Современная немецкая социология в русскоязычном дискурсе

Нельзя оставить без ответа и вопрос о том, какое влияние современная немецкая социология оказывала и продолжает оказывать на русскоязычную социологию (здесь мы имеем в виду как советский период, так и постсоветское развитие социологии в республиках, где русский язык является языком научного социологического общения наряду с другими языками, как в Украине, или как доминирующий – в России). Сошлемся на мнение мэтра в этой области Ю.Н. Давыдова, который считал, что немецкие классические социологические теории не только были образцом для многих российских социологов, но и продолжают играть методологическую роль в исследованиях современной России²⁷. Об этой же тенденции пишет известный российский социолог М.В. Масловский²⁸, а украинский ученый А.А. Фисун даже создал собственную неовеберовскую теорию развития постсоветских стран²⁹. Как отмечает также заместитель главного редактора журнала «Социологические исследования» Н.В. Романовский, в отечественной исторической социологии, среди прочих, имеет место и влияние Вебера³⁰.

Что касается других авторов, то в российской социологии по-прежнему дискутируются теории Хабермаса и Лумана, немецкий опыт модернизации общества, феминизм. Две объемные монографии, посвященные немецкой социологии (одна – немецкой национальной социологии в целом, вторая – современной), были изданы учеными Санкт-Петербургского университета в 2002–2003 гг. В широкой панораме современных социологических традиций, проанализированной А.Г. Здравомысловым, немецкая социология занимает важное место: «Нынешняя наша ситуация характеризуется не только полипарадигмальностью, – отмечает он, – но и существованием анклавов французской, немецкой, американской, английской социологий в пространстве российской общественной мысли»³¹.

Наконец, сегодня в русскоязычной социологии широко обсуждаются теории У. Бека – и общество риска, и космополитизм. При этом российские социологи не повторяют автора, а вступают с ним в активную дискуссию, развивают свои варианты «общества риска», высказывают собственные позиции по поводу дальнейшего развития общества модернити и пр.

В Беларуси современная немецкая социология менее популярна (пожалуй, по-прежнему Вебер остается ее центральной фигурой в диссертациях, тогда как современные немецкие социологи довольно редко включаются в круг теоретических дискурсов). Надеемся, что данная статья поможет восполнить этот пробел и послужит стимулом к изучению немецкой социологии молодыми белорусскими социологами.

¹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

² Там же. С. 72.

³ См.: Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / Пер. с нем. А. Григорьева. М., 2001.

⁴ См.: Яницкий О.Н. Социология риска. М., 2003.

⁵ См.: Gildemeister R., Wetterer A. Wie Geschlechter gemacht werden. Die soziale Konstruktion der Zweigeschlechtlichkeit und ihre Reifizierung in der Frauenforschung // G.-A. Knapp, A. Wetterer (Hrsg.). Traditionen Brüche. Entwicklungen feministischer Theorie. Freiburg, 1992. S. 205.

⁶ См.: Хайнц Б., Надаи Е. Пол и контекст: деинституционализация и половая дифференциация: Пер. с нем. // Современная немецкая социология: 1990-е годы. СПб., 2002. С. 282–311.

⁷ См.: Becker-Schmidt R., Knapp G.-A. Feministische Theorien zur Einführung. Hamburg, 2001.

⁸ См.: Йоас Х. Креативность действия. СПб., 2005.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ См.: Joas H. Kriege und Werte. Studien zur Gewaltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Weilerswist, 2000.

- ¹¹ Joas H. Entstehung der Werte. Frankfurt a. M., 1997. С. 10.
- ¹² См.: Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. London, 2001.
- ¹³ См.: Knöbl W. Modernization Theory, Modernization and African Modernities: An Outsiders View // African Modernities. Entangled Meanings in Current Debate, hgg. von Jan-Georg Deutsch/Peter Probst/Heike Schmidt. London, 2002. P. 158–178.
- ¹⁴ См.: Boatsa M. One modernity? The 'war for men's minds' in peripheral contexts // The plurality of modernity: Decentering Sociology. München, 2006. S. 57–70.
- ¹⁵ См.: Spohn W. Europeanization, Religion and Collective Identities in an Enlarging Europe. A Multiple Modernities Perspective, European Journal of Social Theory. 2009. Vol. 12 (3). P. 358–374.
- ¹⁶ См.: Spohn W. World history, civilizational analysis and historical sociology: Interpretations of non-Western civilizations in the work of Johann Arnason // European Journal of Social Theory. 2011. 14 (1). P. 23–39; Knöbl W. Path Dependency and Civilizational Analysis. Methodological Challenges and Theoretical Tasks // European Journal of Social Theory. 2010. № 13 (1). P. 83–97.
- ¹⁷ См.: Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München; Wien, 2005.
- ¹⁸ См.: Stichweh R. Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen. Frankfurt a. M., 1994.
- ¹⁹ См.: Honneth A. Kritik der Macht. Reflexionsstufen einer kritischen Gesellschaftstheorie. Frankfurt a. M., 1986.
- ²⁰ См.: Honneth A. Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte. Frankfurt a. M., 1992.
- ²¹ См.: Beck U. The Cosmopolitan Perspective: The Second Age of Modernity // British Journal of Sociology. 2000. № 5 (11). P. 79–105.
- ²² Beck U. What does Cosmopolitan theory have to say to Southern Sociology? // Global Dialogue. 2011. Vol. 1. № 3. P. 17.
- ²³ См.: Inglis D. Cosmopolitan sociology and the classical canon: F. Tonnies and emergence of global Gessellschaft // The British Journal of Sociology. 2009. Vol. 60. № 4. P. 813–832.
- ²⁴ См.: Lutz H. From Cosmopolitanism to Public Sociology // Global Dialogue. 2011. Vol. 1. № 3. P. 7.
- ²⁵ Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // Current Sociology. 2011. 59 (2). P. 252–267.
- ²⁶ См.: Gerhard U. Soziologie im 20. Jahrhundert: Studien zu Ihrer Geschichte in Deutschland [A History of 20th-Century Sociology: German Case Studies]. Stuttgart, 2009.
- ²⁷ См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и «новый русский» капитализм [Электронный ресурс]. <http://www.i-u.ru/biblio/archive/kapitalism>. Дата доступа: 20.06.2011.
- ²⁸ См.: Масловский М.В. Исследования советского общества в неовеберовской исторической социологии [Электронный ресурс]. <http://www.nationalism.org/library/science/sociology/maslovsky/maslovsky-sj-2001.htm>. Дата доступа: 20.06.2011.
- ²⁹ См.: Фисун А.А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации. Харьков, 2006.
- ³⁰ См.: Романовский Н.В. К итогам «круглого стола» по исторической социологии // Социс. 2006. № 7. С. 100.
- ³¹ Здравомыслов А.Г. Сравнительный анализ национальных социологических школ в их отношении к национальным культурам // Вестн. Ин-та социологии РАН. 2010. № 1. С. 202.

Поступила в редакцию 10.09.11.